

Долгие годы Семен Липкин был известен на родине только как переводчик восточной поэзии и эпосов народов СССР. Это была спасительная возможность заниматься литературной деятельностью без обязанности обслуживать государственную идеологию. Собственные произведения Липкина выходили в свет в разных странах, но они оставались недоступными для русских читателей. В 1981 году в США была издана книга стихов и поэм «Воля», которую составил Иосиф Бродский. В 1986 году в Лондоне вышел сборник «Картины и голоса» с предисловием Владимира Максимова.

Семену Израилевичу принадлежит первостепенная роль в спасении арестованного романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба», единственный экземпляр рукописи которого, вверенный ему автором и другом, был им сохранен и переправлен за границу. В знак протеста против нападок литературных «властей» на молодых прозаиков «Метрополя» Липкин вместе со своей женой, поэтом Инной Лиснянской, вышел из Союза писателей.

В первые же годы «перестройки» журналы «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов» наперебой начали печатать написанное Липкиным «в стол». Вышли не только книги стихов «Перед заходом солнца», «Лунный свет», «Посах», «Письмена», но и проза — «Декада», «Записки жильца», и мемуары, посвященные Ахматовой, Багрицкому, Гроссману, Мандельштаму, Цветаевой (книги «Вторая дорога», «Жизнь и судьба Василия Гроссмана», «Квадрига»).

Писатель стал лауреатом премии имени А.Д. Сахарова «За гражданское мужество», присужденной писательским движением «Апрель», и Пушкинской премии Фонда А. Тепфера (Германия).

Редакция «Общей газеты», поздравляя поэта с юбилеем, попросила его рассказать несколько эпизодов из своей долгой, как эпос, жизни.

20-е годы. Учителя

— Было мне 14 лет, когда я начал посещать литературный кружок в художественной профшколе. В Одессе тогда существовал такой порядок: средние школы были семиклассные, желающим продолжить обучение предоставлялась возможность, если они не были детьми «лишенцев», т.е. нэпманов, поступать в двухгодичные профшколы. Художественная профшкола занимала часть помещения нашей (бывшей) пятой гимназии. Общие предметы преподавали юным художникам прежние гимназические учителя. Вот почему, не блистая способностями к рисованию, я, окончив семилетку, поступил в Художественную профшколу. Начал посещать литературный кружок. Ободренный похвалами студента — руководителя кружка, я дерзко решил попробовать напечататься в газете.

Редакции газет «Одесские известия», «Вечерняя газета», «Молодая гвардия» поместились на Пушкинской улице. Мне указали нужную комнату. Я увидел необыкновенное лицо. Артист? Художник? Серо-голубые глаза, вдохновенные и в то же время насмешливые, птичий нос, спутанные седеющие волосы. Первые его слова ко мне: «Конечно, молодой человек, вы принесли стихи».

Выслушав меня, он сказал: — В вашей тетрадке что-то шелестит, есть слух. Самое дерзкое стихотворение «Весна», нечетные строки длинные, четные короткие. Спасибо и за это. Совершенно пустое стихотворение. Его мы и напечатать. И запомните: в газете печатаются только плохие стихи. Вы сказали мне, что читали русских поэтов от Державина до Аполлона Ко-

Сергей ЗОНИЧЕВ

Эпос без пафоса

Общая газета. — 2001. — 20-26 сент. — с. 10
Что такое 90 лет для философа и поэта

ринфского. А Тютчева не называли. Не знаете?

— Еще как знаю, забыл называть.

— Можете прочесть что-нибудь наизусть?

Я прочел «Не то, что мните вы, природа...»

— Читаете стихи как пономарь. А Фофанова вы любите?

— Люблю.

— Я так и знал. Я живу на Молдаванке, за Дальнической, у Джутовой фабрики. Приходите ко мне в воскресенье, часов в шесть. Моя фамилия Багрицкий.

Так я познакомился с большим талантом. Когда в 1929 году я приехал в Москву, то с помощью Багрицкого устроился в комнате в Кунцеве, рядом с ним. Посещал его почти каждый день. Он был недоволен тем, что мои стихи далеки от советской жизни. Я был в восторге от его «Думы про Опанаса». В его жалкой, нищей кунцевской избе я познакомился с Нарбутом, Кузминым, Бабелем.

Случилось так, что вскоре после моего приезда в Москву я познакомился (мне повезло) с Мандельштамом, великим нашим поэтом. Он тогда жил в районе Малой Бронной. Мои рукописные стихи он разложил на три неравные стопки. О первой, самой большой, он ничего не сказал, значит, говорить не стоило. Перебирая гораздо меньшую вторую, указывал на недостатки, банальности, но не сердился. Третья стопка состояла из трех стихотворений. Об одном, со сложным строфическим построением, сказал: «Здесь хороши эти ое, ое» (рифменные окончания). О стихотворении «Петр и Алексей» сказал: «Концепция не стала стихом». Третье

стихотворение ему понравилось, конечно, не по-настоящему, а как ученически-способное. Он при мне позвонил М.А. Зенкевичу, старому товарищу по акмеистской группе, заведующему стихами в «Новом мире», и стихотворение было напечатано в мартовском номере журнала в 1930 году.

Война. Окружение

Липкин с первых дней войны начал служить на Балтике в Кронштадте. Перенес первые месяцы блокады в Ленинграде, затем воевал на Дону. Награжден орденом Отечественной войны II степени, военными медалями, в том числе за оборону Сталинграда.

— На Дону мы попали в окружение. Отступали по казачьим станицам. Шли группой восемь-десять человек, число все время менялось, одни присоединялись, другие отделялись. Я был во главе группы. Было страшно, мне особенно, я один из группы был еврей. Я сделал себе удостоверение с армянской фамилией Шахидарьяни. Это был мой школьный учитель химии, с такой фамилией.

Вошли в станицу, зашли в хату. Решили вымыться, очень были грязные, спали в поле, где придется. Мы были вооружены. Вооруженных людей слушают. Приказали греть воду. Хозяин хаты говорит мне: «Сдается мне, шо вы з жидив». — «Нет, я армянин». — «Вот придет жинка, вона скажэ». Пришла хозяйка. И пока она смотрела на меня, двумя руками приподнимая свои груди, у меня внутри все дрожало. И она сказала: «Вирменин!»

Застой. «Метрополь»

— С переводческой работой я расстался на много лет из-за того, что в 1980 году вышел вместе с Инной Лиснянской и Василием Аксеновым из Союза писателей, в котором состоял с самого его начала. Причиной было наше участие в альманахе «Метрополь», мы протестовали против исключения из Союза двух тогда молодых писателей — Евгения Попова и Виктора Ерофеева. Аксенов уехал в Америку. Мы же и не думали уезжать, хотя этого настойчиво ждали от нас, вызывали на допросы, грозили тюрьмой и ссылкой, в наше отсутствие безобразничали в квартире, и длилось это шесть тяжелых лет. Не говоря уже о том, что был наложен запрет на профессию, если прежде мало печатали мои оригинальные стихи, то тут и переводы прекратили публиковать. Но именно в эти тяжелые годы мною писались с большим подъемом стихи, поэмы, повести, воспоминания, кажется, написано было больше, чем в предыдущие годы, когда переводческая работа отнимала и время, и силы.

Кредо

— Теперь не всем писателям живется легко, гонорары небольшие, иногда смехотворные, иногда приходится автору издавать книгу за свой счет, но есть волнующая, несказанная, прекрасная радость: пиши что хочешь и как хочешь. Не случайно первая моя книга стихов (в Америке), составленная Иосифом Бродским, названа так: «Воля». Пусть нам, пишущим, не сладко, у нас есть главное: воля. Писатель часто не

лишен честолюбия, но это грех не страшный, детский, порой смешной. Воля — вот что важнее всего для писателя. Давно сказано: «То, что ново, — хорошо, то, что хорошо, — то ново». Всегда проза была популярнее стихотворчества. У нас есть чем гордиться. Журнал «Новый мир» (избираю его как пример) дарит нам великую, вечную прозу Солженицына; продолжает нас радовать, не только в «Новом мире», проза Аксенова, Астафьева, Битова, Войновича, Искандера, Маканина, новые для меня имена — Азольский, Бутов, Варламов, Поволоцкая, Пьецух, Улицкая, Толстая. В то же время хочется напомнить, что в неслыханно тяжелое советское время мы могли прочесть Булгакова, Замiatина, Зощенко, Платонова, сквозь все препоны до нас дошли романы Набокова, «Доктор Живаго» Пастернака, «Жизнь и судьба» Гроссмана.

Наши дни. Вместе и врозь

В прошлом году вышла книга «Вместе», где под одной обложкой помещены стихи Семена Липкина и Инны Лиснянской.

Переводческой работе Семен Израилевич посвятил несколько десятилетий. Учился персидскому языку. Перевел поэмы Фирдоуси, Джами, Навои, Гурани, лирику Омара Хайяма и Хафиза, сказания индийского эпоса «Махабхарата», изустные поэмы калмыков, киргизов... А в 98-м поэт вновь вернулся к эпосу.

— В середине восьмидесятых годов я прочел древнюю книгу о Гильгамеше, написал ее известный ученый И.М. Дьяконов. Книга строго научная, разделенная на таблицы. Переведена работа И.М. Дьяконова с аккадского, одного из семитских языков. Меня поразило не только сходство описания потопа с библейским, но и то, что потоп задумал бог Эллиль, чье имя так похоже на иудейское Элохим и арабское Аллах. «Гильгамеш» так очаровал меня, что я решил, без надежды на публикацию, изложить аккадский эпос русскими стихами. Работал страстно, с наслаждением, переложил около четырех песен из двенадцати, когда Инна отвезла меня в больницу к В.Б. Александрову. Мне предстояла тяжелая и, по мнению Александрова, малонадежная онкологическая операция. Меня спасли не только врачи (я имею в виду замечательного хирурга Александрова и нашего чудесного, попечительного друга, кардиолога А.В. Недоступа), но и Инна, не отходившая от меня ни днем, ни ночью в течение 9 месяцев. После двух операций я провел некоторое время дома, перед тем как лечь на третью, и последнюю, операцию.

Наступил 1987 год. 20 марта Инна перевезла меня из больницы домой. Раздался телефонный звонок: «Почему о вас вчера снова говорили по «Голосу Америки»?». Инна ответила: «Опомнитесь и закройте дело. Если еще раз позвоните, я дам телеграмму Горбачеву с таким текстом: «Многоуважаемый Михаил Сергеевич, почему о вас можно говорить целые сутки, а о нас нельзя и минутки?» С того дня звонки прекратились, а дело, видимо, закрылось.

В 1998 году меня, старика, вновь охватило очарование аккадского эпоса, и я закончил перевод всех двенадцати песен (так, песнями, я назвал таблицы «Гильгамеша», предложив свою строфику и стихотворный размер, близкий, как мне кажется, по духу своему подлиннику). И вот книга вышла в петербургском издательстве «Пушкинский дом» с весьма лестным для меня послесловием выдающегося ученого Вячеслава Всеволодовича Иванова. Книга, говорят, хорошо расходуется. Напишу ли я еще что-нибудь? Хотелось бы.

Беседовала
Ольга ПОСТНИКОВА